

КИРА
МАЛЬЦЕВА

Высэр
МИЛЛИАРДЕРА

Кира Малёк

Выбор Миллиардера

«Литнет»

2022

Малёк К.

Выбор Миллиардера / К. Малёк — «Литнет», 2022

Отец моего ребенка, очень богатый человек, в 32 года он уже много достиг в строительном бизнесе. Под сердцем я ношу его ребенка, но я думаю, что она ему не нужна. «Да, это будет девочка» я узнала это совсем недавно, а отец этой девочки не узнает о ней. Такому человеку как Даниил, не нужны дети от простолюдинки. Но не все идет по плану...

© Малёк К., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

Зачем, ну зачем я к нему подошла?

Вокруг — десятки, сотни людей. Шумят семьями у бассейна, лениво тянутся к барам, спорят о погоде и ценах на экскурсии. Достаточно было просто пройти мимо — сделать вид, что не слышишь, уткнуться в телефон или прибавить шаг. И тогда бы меня не окликнул этот голос.

Низкий. Уверенный. С ленцой человека, привыкшего, что его слушаются.

— Эй, детка...

Я даже остановилась на секунду. Не потому, что хотела ответить — от неожиданности. У нас в отеле так никто не разговаривает. Ни гости, ни персонал. Это было что-то из другой вселенной — наглое, расслабленное и совершенно неуместное.

Самоуверенный болван. Я мысленно закатила глаза и уже собралась идти дальше, но что-то меня зацепило.

Наверное, воспитание. Мама с детства вбивала в подкорку: если человек нуждается в помощи — помогай. Даже если этот человек — наглый выскочка, от которого за версту несёт неприятностями.

Я обернулась — и сразу пожалела.

Он стоял в тени навеса, прислонившись плечом к колонне, и выглядел... неправильно. Не как отдыхающий, который просто решил приударить за симпатичной администраторшей. Слишком бледный, слишком напряжённый для курортной неги. Белая рубашка сидела на нём дорого, но небрежно — расстёгнута у ворота, рукава закатаны до локтя. Брюки стрелкой, туфли ручной работы. И взгляд — тяжёлый, сканирующий, как у человека, который привык оценивать всё вокруг с точки зрения угрозы.

Потом я заметила кровь.

Алая полоса на его ладони, которой он прижимал что-то к боку. Он старался держаться ровно, но я видела, как напряжены мышцы челюсти, как побелели костяшки пальцев.

— Эй, малыш, посмотри-ка, — позвал он снова, и теперь я уже точно знала — обращается ко мне.

Его глаза прошли по мне — от лица до пят, быстро и цепко, как будто считывал данные. Я вдруг остро почувствовала, как выгляжу со стороны: простая блузка, форменные брюки, уставшая укладка к концу смены. Под его взглядом я показалась себе маленькой и совершенно незначительной.

В заведении, где я работала, всегда под рукой была аптечка. Я быстро юркнула за барную стойку, выудила упаковку пластырей и вернулась к незнакомцу.

Вблизи он оказался ещё более... внушительным. Высокий — мне до плеча едва доставало. Широкие плечи, узкие бёдра, руки с рельефными мышцами, которые угадывались даже под тканью рубашки. И запах — дорогой, древесный, с лёгкой горчинкой табака и ещё чего-то незнакомых.

Я протянула пластырь и постаралась говорить как можно более нейтрально:

— Вот... держите. Рану не продезинфицируете, но хотя бы кровью не истечёте.

Он взял пластырь — и просто отложил в сторону. Даже не посмотрел. Как будто я протянула ему мусор.

— А теперь отведи меня, — мужчина приподнялся, и я впервые заметила, с каким трудом ему даётся даже это движение. Он указал рукой в сторону главного корпуса. — Туда.

— Ага, сейчас! — возмутилась я. — Сейчас вызовем врача, он вас и отведёт, куда нужно.

Но он уже шагнул ко мне — резко, неожиданно быстро для раненого. И вцепился в моё запястье. Не больно, но так, что я поняла: вырваться не получится.

— Не дерзи, девочка. Поможешь — и ступай куда хочешь, — прорычал он полупрошептом.

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Ничего себе наглость. И этот взгляд — сверху вниз, с каким-то странным интересом, будто он решал, стоит ли вообще со мной разговаривать.

— Даже не подумаю, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Если не хотите ждать врача, у вас есть ноги. Сами дойдёте.

— Не могу, — процедил он с трудом. Губы почти не разжимал, словно каждое слово давалось через боль.

— Вы руку порезали, а не ноги сломали, — язвительно заметила я, кивнув на его ладонь. — Пластырь зачем отложили, кстати? Кровь же не остановится.

Он не ответил. Вместо этого медленно, почти театрально отодвинул полу пиджака.

На белой рубашке, чуть выше пояса, расплывалось тёмное пятно. Свежее — я видела, как оно медленно увеличивается на глазах. А в центре — аккуратная дырочка с опалёнными краями.

Моё сердце пропустило удар.

— На меня совершили покушение, — добавил он будничным тоном. Как будто говорил о погоде.

— Почему вы... — язык не слушался, — почему вы так решили? Может, случайность?

Я посмотрела на свои пальцы. Они дрожали. Мелкой, отвратительной дрожью, которую невозможно было скрыть.

— У кое-кого появились виды на мой бизнес, — ответил он уклончиво, но с такой интонацией, что я поняла: этот «кое-кто» уже мёртв или скоро им станет.

Мы помолчали несколько секунд. Я переваривала информацию, а он — судя по всему — пытался не потерять сознание от потери крови.

— И что, большой бизнес? — спросила я только для того, чтобы заполнить тишину.

— Можно и так сказать, — уголок его губ дёрнулся в полуулыбке. — Ты тему не меняй. Веди давай.

Я сделала глубокий вдох. Плечи свело от напряжения. Ничего не хотелось так сильно, как развернуться и уйти. Но было в нём что-то такое... не отвращение, нет. Страх? Интерес? Жалость? Смесь всего сразу.

— Ладно, — выдохнула я. — Только держитесь за меня. Если упадёте — я вас не подниму.

Я осторожно обхватила его за талию. Под ладонями чувствовалась сталь мышц — не качковская, не надутая, а настоящая, твёрдая и горячая даже через ткань.

Мы медленно, шаг за шагом, побрели к отелю.

— Вообще-то, я девушка, — буркнула я через несколько метров. — И, между прочим, хрупкая. Попробовали бы вы сами такого медведя на себе протащить.

Он хмыкнул. Звук получился скорее мычанием, чем смехом, но я уловила в нём нотку одобрения.

— Вы тут отдыхаете, — продолжала я, злясь больше на себя, чем на него, — а я, между прочим, на работе. У меня смена до вечера, меня хватят, начнутся вопросы...

— Не бурчи, — перебил он. — Лучше ногами быстрее перебирай.

— Вы сам давайте быстрее передвигайтесь! — огрызнулась я. — А то только языком трещать горазды.

— Я им не только трещать умею, — сказал он вполголоса, и в голосе проскользнула та самая неприличная хрипотца. — Хочешь, покажу, когда придём?

Я подавилась воздухом.

— Вы... — начала было я, но он уже оскалился — хищно, с лёгким вызовом. Белые зубы сверкнули на фоне бледной кожи.

Кажется, ему нравилось меня смущать. И это злило ещё больше.

Тропинка виляла между пальмами и клумбами с бугенвиллеями. На полпути он пошатнулся — я инстинктивно прижалась крепче, поддерживая его. Сквозь тонкую ткань рубашки я почувствовала его пульс — частый, неровный. И жар. Слишком сильный жар для здорового человека.

— Как тебя зовут, такая остроумная? — спросил он неожиданно спокойно.

— Тая, — ответила я, не глядя на него.

— Тая, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Красиво.

Я фыркнула, но ничего не сказала.

Мы шли молча. Он тяжело дышал, иногда замирал на секунду — переживал очередную вспышку боли. Я старалась не смотреть, как темнеет пятно на его рубашке. И не думать о том, что будет, если он рухнет прямо здесь, посреди дорожки.

Интересно, его вообще кто-нибудь ищет? Или он привык выживать в одиночку?

Судя по тому, как он стискивал зубы и не издавал ни звука — привык.

В отеле я старалась вести его боковыми коридорами, подальше от любопытных глаз. Удача была на моей стороне: в это время дня большинство гостей либо на пляже, либо в ресторанах. Нас никто не заметил.

Он назвал номер. Я удивилась, но виду не подала. Люкс. Самый дорогой.

— Вы здесь недавно? — спросила я, пока мы поднимались на лифте.

— Вчера вечером, — ответил он коротко.

— А я вас раньше не видела. А у меня память на лица хорошая.

— Значит, повезло, — он криво усмехнулся. — Сейчас, наверное, хочешь меня забыть.

— Вы даже не представляете, как сильно, — прошептала я.

Дверь в номер открылась с глухим щелчком. Я завела его внутрь — и только тогда позволила себе выдохнуть.

— Садитесь, — скомандовала я, кивая на диван. — Только на белую обивку не надо. Она дорогая.

Он опустился в кресло — осторожно, как будто каждое движение отдавалось в боку новой вспышкой боли.

Я огляделась. Просторный номер, панорамные окна, вид на море. Всё в пастельных тонах, на журнальном столике — фруктовая корзина и бутылка вина в ведёрке со льдом. Мирная, курортная картинка.

И огромное кровавое пятно на моей блузке.

Я ахнула, разглядывая себя. Бок пропитался насквозь. Моя одежда, моя хорошая рабочая блузка — вся в чужой крови. Меня заколотило с новой силой.

— Успокойся, — сказал он. Голос был спокойным, даже скучающим. — Надо некоторое время здесь переждать. А пока можешь переодеться. В шкафу есть халат.

— Спасибо за предложение, конечно, — ответила я, чувствуя, как злоба поднимается изнутри. — Но мне надо было просто не подходить к тебе, а сразу вызвать врача. И сейчас бы я уже пила чай на кухне, а не стояла в люксе с мужиком, в которого стреляли.

Он запрокинул голову и рассмеялся.

Громко, искренне, совершенно неадекватно для человека с пулей в теле. Я смотрела на него как на сумасшедшего. Свет люстры падал на его лицо, выхватывая жёсткие скулы, глубокие тени под глазами, чёткую линию подбородка. Красивое лицо. Опасное. Такие лица бывают у тех, кто привык выигрывать любой ценой.

— Ты кто вообще такой? — спросила я внезапно.

— Данил, — ответил он, всё ещё улыбаясь. — А кто — неважно.

— Для меня — важно. Меня заперли с тобой в номере, на мне твоя кровь, а я даже не знаю, бандит ты или бизнесмен.

— А если бандит? — он склонил голову набок, разглядывая меня с непонятным выражением.

— Тогда я действительно дура, что не прошла мимо.

— Не прошла, — согласился он. — Значит, не такая уж и дура.

Я не нашлась, что ответить. Просто развернулась и пошла в ванную, с силой захлопнув за собой дверь.

Глава 2

Ванная оказалась огромной — под стать люксу. Мраморная столешница, зеркала в полный рост, джакузи, отдельная душевая кабинка с гидромассажем и целый арсенал флакончиков с элитной косметикой. Но я ничего этого не замечала.

Я прислонилась спиной к закрытой двери и просто стояла, глядя в одну точку.

Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали. Я смотрела на пятно на блузке — влажное, тёмное, с неприятным металлическим запахом, который теперь, казалось, пропитал всё вокруг.

— Спокойно, Тая, — прошептала я себе. — Спокойно.

Ничего спокойного не было.

Я стянула блузку дрожащими пальцами, стараясь не смотреть на неё, и сунула под кран. Холодная вода побежала по ткани, окрашиваясь в розовый, потом в бледно-алый. Я тёрла и полоскала, тёрла и полоскала, пока вода не стала прозрачной. Повесила мокрую блузку на полотенцесушитель — пусть сохнет. Другой одежды у меня не было.

В зеркале отражалась растерянная девушка в лифчике и форменных брюках, с растрёпанной укладкой и глазами, в которых застыл страх.

— Ты ввязалась, — сказала я своему отражению. — Сама. Добровольно.

Натянула халат — мягкий, пушистый, с вензелями отеля. Он пах цитрусами и почему-то успокаивал.

Я вышла из ванной.

Данил не двинулся с места. Всё так же сидел в кресле, но теперь его лицо было ещё бледнее — с сероватым оттенком, какой бывает у людей, которые теряют кровь, но держатся из последних сил. Он расстегнул пиджак и бросил его на подлокотник, рубашка ниже пояса пропиталась насквозь. Он не касался раны, не пытался зажать — просто сидел и смотрел на меня.

В этом взгляде была странная смесь боли, терпения и какого-то нечитаемого расчёта.

— Подойди, — сказал он тихо.

— Зачем? — я не сдвинулась с места.

— Помоги снять рубашку. Не дотянусь.

Я скрестила руки на груди.

— Может, ты сам попробуешь? Ты вроде взрослый мужчина.

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— Попробую. Но если я упаду в обморок, придётся тебе вызывать скорую. А врачи — это вопросы. Протоколы. Полиция. Мне это не нужно.

— А мне нужно? — огрызнулась я. — Мне вообще ничего из этого не нужно. Я хотела просто наклеить тебе пластырь и забыть.

— Поздно, — ответил он ровно.

Я выдохнула. Выругалась про себя. И подошла.

Рубашка была тонкой, дорогой — я такие в витринах видела, но никогда не трогала. Пуговицы мелкие, скользкие от пота и крови. Я расстёгивала их по одной, стараясь не касаться кожи, но это было невозможно. Кончиками пальцев я чувствовала жар — неестественный, лихорадочный.

— Ты бледный, — сказала я, не поднимая глаз. — Очень. Ты бы вообще живой?

— Пока да, — он смотрел на мои руки.

Последняя пуговица поддалась. Я отвела ткань в сторону — и замерла.

Рана была неглубокой, но мерзкой: рваный входной след, тёмная запёкшаяся кровь по краям, и прямо в центре — что-то инородное. Маленькое, металлическое, страшное.

— Это... пуля? — голос сел до шепота.

— Она самая, — кивнул Данил. — Не на вылет. Застряла.

Меня замутило.

— Ты же не собираешься... — начала я, но он перебил.

— Достану. Поможешь?

— Чем?! — я отшатнулась. — Я не врач. Я администратор отеля. Я умею заваривать кофе, заселять гостей и решать конфликты из-за грязных полотенец. Я не умею доставать пули!

— Успокойся, — сказал он всё тем же ровным голосом. — Ничего сложного. Пинцет. Антисептик. Пара стежков.

— «Пара стежков», — передразнила я. — Ты говоришь так, будто пуговицу пришиваешь.

Вместо ответа он кивнул на бар:

— Там, в ящике под кофемашиной, должна быть аптечка. В каждом номере есть.

— Знаю.

Я хотела возразить. Сказать, что это безумие, что он умрёт у меня на глазах, что я вызову полицию, даже если он против. Но он смотрел на меня спокойно и твёрдо — так смотрят люди, которые уже приняли решение и не ждут твоего одобрения.

Я пошла к бару.

Аптечка нашлась на месте — белая пластиковая коробочка с красным крестом. Внутри: бинты, пластыри, вата, зелёнка, йод, ножницы, пинцет и даже маленький шприц с ампулой лидокаина.

— Профессионально, — пробормотала я, возвращаясь, — У нас вроде не кладут все это.

— Я попросил укомплектовать, — ответил Данил, принимая аптечку. — На всякий случай. Привычка.

Он действовал быстро и без лишних движений. Смочил вату йодом, обработал края раны — я отвернулась, когда вата коснулась открытой плоти. Он не вскрикнул. Даже не вздохнул. Только побелел ещё сильнее, и на лбу выступила испарина.

— Держи зеркальце, — сказал он, протягивая мне маленькое круглое зеркальце из косметички отеля. — Направляй свет. Мне нужно видеть, что я делаю.

Я взяла зеркальце дрожащей рукой. Села на корточки перед креслом, поймала блик от настольной лампы и навела на рану.

— Так?

— Хорошо. Не двигайся.

Он взял пинцет. Опустил в йод. И медленно, сантиметр за сантиметром, ввёл в рану.

Я смотрела не отрываясь. Как заморожённая.

Он работал аккуратно — почти хирургически. Пальцы не дрожали. Дыхание ровное, только желваки на скулах ходили ходуном.

— Почти, — выдохнул он сквозь зубы. — Ещё чуть-чуть.

Пинцет чуть дёрнулся. По ране потекла свежая кровь — тёмная, густая. Я почувствовала запах железа и зажмурилась.

— Не закрывай глаза, — резко сказал Данил. — Держи свет.

Я открыла. Сглотнула тошноту.

Он вытащил пулю.

Маленькая, деформированная, тёмная. Она упала в тампон из ваты с глухим мокрым звуком.

— Всё, — сказал он и откинулся на спинку кресла. — Перевяжи.

Я смотрела на него, на пулю, на окровавленную вату. Ноги не держали — я опустилась на пол, прислонилась к ножке кресла и закрыла лицо руками.

— Ты... — прошептала я. — Ты псих. Ты настоящий псих.

— Возможно, — тихо ответил он. — Но живой.

Я не знала, плакать мне или смеяться. Вместо этого я вытерла лицо рукавом халата, взяла бинт и — стараясь не смотреть на то, что делаю — наложила повязку. Криво, непрофессионально, слишком туго. Но кровь хотя бы остановилась.

— Ты справилась, — сказал Данил. — Молодец.

В его голосе впервые прозвучало что-то человеческое. Не приказ, не издёвка. Почти благодарность.

Я подняла на него глаза.

— А теперь объясни мне, Данил... Кто ты такой, чтобы в тебя стреляли? И почему я — в этом дерьме — оказалась с тобой в одном номере?

Он не успел ответить.

В дверь постучали. Три коротких, drobных удара.

Я вздрогнула и замерла. Данил, который до этого едва держал глаза открытыми, мгновенно напрягся — весь, как струна. Лицо стало жёстким, взгляд — острым.

— Отойди от двери, — сказал он тихо, почти беззвучно.

Я и не планировала подходить. Застыла на месте.

Данил медленно — преодолевая боль, я видела, как побелели его костяшки на подлокотниках — поднялся. Подошёл к двери. Прижался ухом к косяку. Секунда. Другая.

— Свои, — выдохнул он и чуть расслабил плечи.

Он открыл дверь. На пороге стоял мужчина — очень высокий, под два метра, в строгом чёрном костюме. И от него веяло такой опасностью, что у меня подкосились ноги. Массивная фигура, квадратная челюсть, и глаза, которые быстро, цепко ощупали комнату, меня, Данила, повязку на его боку, пулю в окровавленной вате.

— Входи, — кивнул Данил и отошёл в сторону, придерживаясь за стену.

Громила шагнул внутрь и сразу закрыл за собой дверь — бесшумно, привычно. На мне его взгляд задержался на пару секунд дольше, чем мне хотелось бы.

— Это свои, — коротко бросил Данил, имея в виду меня. — Рассказывай.

— Мы вышли на след, — голос у громилы оказался низким, рокочущим, без всяких эмоций. — Тот, кто заказал, уже задержан. Но исполнитель до сих пор на территории. Мы его ищем.

— На территории отеля? — переспросила я, и мой голос прозвучал как писк.

Громила посмотрел на меня — равнодушно, как на предмет мебели.

— В радиусе пяти километров. Будем чистить дальше.

— Для твоей безопасности, — добавил Данил, глядя на меня. — Пока мы не поймём, кто конкретно стрелял и где он сейчас, ты не выходишь из этого номера.

— Я и не собиралась, — выдохнула я, чувствуя, как холодок ползёт по позвоночнику.

— Хорошо, — кивнул громила и снова повернулся к Данилу. — Руководству девушки я уже сообщил, что временно покинула отель по личным обстоятельствам. Администратору — её — передали, что срочно вызвали домой. До завтра никто не будет их искать.

Я моргнула.

— То есть... меня уже нет в отеле? — медленно переспросила я.

— Для всех, кто работает, вы уехали, — подтвердил громила. — Шеф, — он кивнул Данилу, — этот номер закрыт до завтра. Со стороны всё чисто. Никому не открывать, даже горничным.

Они переглянулись. Какой-то беззвучный диалог, полный информации, которую я не умела читать.

— Держи, — громила протянул Данилу небольшой чёрный кейс. — Там всё необходимое. Вызов — по старому каналу.

Данил принял кейс, кивнул.

— Через сколько ждать?

— К утру разберёмся. Либо чисто, либо зачистим.

Я не поняла последнюю фразу, но спросить не решилась.

Громила бросил на меня последний взгляд — изучающий, словно запоминал моё лицо. Потом развернулся и вышел. За дверью щёлкнул замок — с той стороны.

Тишина стала другой. Гуще, тяжелее.

Я сидела на полу, прислонившись к креслу, и смотрела в одну точку.

— Так надо, ведь? Да? — наконец выговорила я.

— Да, — Данил опустил обратно в кресло, и я увидела, как сильно его трясёт. — Это купит нам время до завтра.

— А завтра? — я подняла глаза.

— Завтра тебя найдут. Живую и здоровую. Я обещал.

— Ты обещал, — повторила я тихо. — Слова.

— Тая, — он посмотрел на меня — серьёзно, без тени насмешки. — В моём мире слово — единственное, что стоит дороже денег. Я не бросаю обещаний на ветер.

Я хотела съязвить, но не смогла. В его взгляде было что-то, что заставило меня поверить.

Мы замолчали. Я всё ещё сидела на полу, в чужом халате, с чужой кровью на руках, и смотрела на пулю в окровавленной вате.

За окном уже начинало темнеть. Море потемнело, шезлонги опустели, фонари зажглись вдоль дорожек. Обычный вечер в раю.

Только я в этом раю оказалась взаперти с раненым незнакомцем, в которого стреляли неизвестные люди.

— Ты красивая, когда злишься, — сказал он вдруг.

Я фыркнула.

— Ты раненый и несёшь чушь.

— Это не чушь, — его голос был спокойным, но в нём появилась та самая хрипотца. — У тебя глаза горят. И ты не сдаёшься. Это редкость.

— Может, хватит меня разглядывать? — огрызнулась я, чувствуя, как щёки заливаются краской.

— Может, хватит отворачиваться? — парировал он.

Я развернулась к нему всем телом — резко, с вызовом. Он не отвёл взгляд. Наоборот, чуть прищурился, изучая моё лицо — медленно, будто читал книгу.

— Я тебя не боюсь, — сказала я. — Ты, наверное, привык, что все боятся. Но я — нет.

— Я вижу, — он кивнул. — Это делает тебя опасной.

— Для кого?

— Для меня, — ответил он просто.

Я не нашлась, что сказать. Сердце колотилось где-то в горле, и я ненавидела себя за то, что этот стук — не только от страха.

— Ты говоришь странные вещи, Данил, — выдавила я наконец.

— Я вообще странный человек, — он чуть повернул голову, и луч заходящего солнца упал на его лицо — жёсткое, красивое, совершенно нечитаемое. — Но ты уже поняла.

Я отошла к кровати, села на край и уставилась в пол.

— Знаешь что, Данил? — сказала я после долгой паузы.

— Что?

— Если мы всё-таки выживем, я потребую компенсацию. За испорченную блузку.

Он усмехнулся — впервые по-настоящему, не одними уголками губ.

— Договорились.

— И смену отгулов. Неделю.

— Две, — неожиданно легко ответил он.

— И новую блузку. Не форменную. Дорогую.

— Тая, — он чуть подался вперёд, — проси что хочешь.

Я хотела съязвить что-то про миллион долларов, но осеклась, потому что его голос звучал слишком серьёзно для такой игры.

— Пока просто не умирай, — сказала я тихо. — Ладно?

Он кивнул. Один раз. Медленно.

И я почему-то поверила.

Глава 3

Утром я еле разлепила глаза.

Сознание возвращалось медленно, будто пробиваясь сквозь толстый слой ваты. Первое, что я почувствовала — запах кофе. Насыщенный, терпкий, свежесваренный. Он разлился по комнате, такой уютный и земной, что на секунду мне показалось — я дома, и мама уже встала и заварила свой любимый арабику.

Потом я открыла глаза и увидела чужой потолок. Высокий, белый, с лепниной.

Тело среагировало раньше, чем мозг обработал информацию: я вскочила на кровати, откинув одеяло, и чуть не закричала.

— Нельзя опаздывать на работу! — выпалила я вслух, ещё толком не проснувшись.

— Доброе утро, соня! — раздалось где-то справа. Низкий, спокойный, чуть насмешливый голос.

Я подпрыгнула от неожиданности и чуть не свалилась с кровати.

И в этот момент вчерашний день обрушился на меня всей своей тяжестью. Отель. Раненый незнакомец. Кровь. Пуля. Человек в чёрном. Запертая дверь. Я поднесла руку к лицу, провела по щеке — сухая, уставшая кожа. Всё правда. Не сон.

Данил сидел в том же кресле — в той же позе, как будто не вставал с него всю ночь. Но волосы у него были влажные, тёмные пряди зачёсаны назад, открывая высокий лоб и острые скулы. Он успел сходить в душ. Успел переодеться — теперь на нём были простые чёрные спортивные штаны и расстёгнутая рубашка, под которой белела свежая повязка. И пил кофе. Маленькими глотками, не торопясь, следя за мной поверх край керамической чашки.

— Очень доброе, — ответила я осипшим голосом и машинально подтянула одеяло к подбородку — хотя под ним был халат. — Можно уже выйти из номера?

Он поставил чашку на столик, чуть наклонился вперёд, опираясь локтями на колени.

— Ты так хочешь от меня отделаться, как будто я тебе совсем не приятен, — сказал он медленно, почти лениво. В голосе — никакой обиды, только констатация факта. — Обычно я отбиваюсь от женского внимания. Но ты меня удивила.

Он встал. Засунул руки в карманы штанов — и от этого простого движения по комнате будто разлилась какая-то животная, опасная энергия. Он был высоким, широкоплечим, и даже в такой небрежной позе напоминал хищника, который притворяется расслабленным.

— Но, как это прискорбно для тебя ни звучало, — он сделал паузу, и его тёмные глаза впились в меня, — нам придётся просидеть здесь до вечера.

До вечера.

У меня внутри всё оборвалось. Я открыла рот, чтобы закричать, закатить истерику, потребовать, чтобы меня выпустили немедленно — но он смотрел на меня так спокойно и уверенно, что я вдруг поняла: не поможет. Крики не помогут. Слёзы не помогут. Единственное, что я могу — сохранить лицо.

— Хорошо, — сказала я, и голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. — Мне уже нечего терять. Один день ничего не изменит.

Он чуть склонил голову. В его глазах мелькнуло что-то вроде одобрения.

— Молодец, — тихо сказал он.

Я не ответила. Спрыгнула с кровати, прошла мимо него — так близко, что почти задела плечом, и направилась в ванную. Не оглядываясь. Спина чувствовала его взгляд, и от этого по позвоночнику бежали мурашки.

Ванная была такой же огромной, как вчера. Мрамор, зеркала, мягкий свет. И моё отражение.

Я подавила истеричный крик, который рвался наружу.

На меня смотрело чудовище. Волосы превратились в осиное гнездо — спутанные, торчащие во все стороны. Под глазами — тёмные круги, будто я не спала неделю. Губы пересохли, кожа бледная. Я провела пальцами по лицу и горько усмехнулась.

— Он, наверное, в шоке от такого зрелища, — прошептала я своему отражению. — Ну и ладно. Какое мне дело, что он там подумает?

Но дело было. И от этого становилось ещё тошнее.

Я отвела взгляд от зеркала и посмотрела на ванну — огромную, белую, с золотыми ножками и целой батареей флакончиков на бортике. И решила: раз уж я заперта здесь до вечера, то хотя бы воспользуюсь этим по полной.

Пусть Данил торчит в своём кресле. Я буду релаксировать.

Я включила воду погорячее — почти обжигающую. Налила пену из пузырька с надписью на французском. Запахло лавандой и мёдом. Я разделась, ступила в воду и медленно погрузилась, пока горячая гладь не сомкнулась над плечами.

Закрыла глаза.

И мысли сразу же набросились на меня, как стая голодных птиц.

Уволят меня или нет? Испытательный срок ещё не закончился, а я пропала на целую ночь, никто не знает, где я. Даже если «человек в чёрном» что-то сказал моему руководству — надолго ли это?

Кто покушался на Данила? Он сказал «у кого-то появились виды на бизнес». Что это за бизнес такой, где людей стреляют средь бела дня?

Почему он обратился именно ко мне? Вокруг были десятки людей. Почему я?

И самый главный вопрос, который я не хотела себе задавать, но он лез сам: сколько ещё мне придётся с ним сидеть?

Он был красивым. Чёртовски красивым. С этим лицом, этой фигурой, этим взглядом. И, наверное, поэтому я веду себя с ним как колючка. Напускаю на себя злость и независимость, потому что подсознание кричит: держись подальше. Этот мужчина — опасность. Не та, о которой пишут в газетах. Та, о которой молчат, потому что не могут подобрать слов.

Я так глубоко ушла в свои мысли, что не услышала шагов. Только глухой стук в дверь заставил меня открыть глаза.

— Ты там не утонула? — раздался его голос. С той стороны двери, низкий, чуть обеспокоенный. Или мне показалось?

— Не дожدهшься! — крикнула я в ответ, но голос прозвучал не так уверенно, как хотелось бы.

Я посмотрела на свои пальцы — они сморщились от долгого лежания в воде. Пора вылезать.

Я смыла остатки пены, быстро вымыла волосы, ополоснулась и завернулась всё в тот же халат — другого варианта не было. В зеркало старалась не смотреть. Всё равно я уже знала, что увижу.

Когда я вышла, Данил сидел не в кресле. Он перебрался на кровать — развалился на ней, как у себя дома, подложив руки под голову. На нём не было майки — только спортивные штаны с низкой посадкой, открывающие рельефный пресс и широкие плечи. Повязка на боку выделялась белым пятном на загорелой коже.

— Я уж думал, ты там до вечера плавать будешь, — сказал он с лёгкой ухмылкой, и его взгляд медленно прошёлся по мне — от лица до пят, задержавшись на вырезе халата.

По моей спине побежали мурашки. Я проследила за его взглядом и поняла, что он заметил. И, кажется, остался доволен тем, что увидел.

Я скрестила руки на груди и постаралась говорить как можно более нейтрально:

— А где ты взял штаны? Отель вроде бы не предоставляет постояльцам спортивную одежду.

— Принесла моя охрана, — спокойно ответил он, даже не отрывая взгляда от потолка.

— Ты не мог попросить и для меня что-то принести? — возмутилась я, делая шаг ближе к кровати. — А то кроме халата у меня ничего нет. Своей одежды я не видела со вчерашнего дня.

Данил запрокинул руки за голову — мышцы на плечах напряглись, и я отвела взгляд быстрее, чем осознала, что смотрю.

— Надо было не плескаться целый час, — ответил он равнодушно. — Попросила бы вовремя — принесли бы.

Я смотрела на его довольное, расслабленное лицо, и во мне закипала злость. Он лежит тут, как король, в чистой одежде, с кофе и охраной, а я должна ходить в халате и улыбаться? Ну уж нет.

Мой взгляд упал на подушку, лежащую с краю кровати.

Я не думала. Я просто сделала.

Схватила подушку за уголок и швырнула в него с такой силой, что пёрышки, наверное, вылетели бы, если бы они там были.

— Тогда получай за это!

Он поймал её. Одной рукой. Даже не глядя. Будто всю жизнь только и делал, что ловил подушки.

А потом — я не поняла, как это произошло — он оказался рядом со мной. С немыслимой, пугающей скоростью. Я даже не заметила, как он поднялся с кровати. Его пальцы сомкнулись на моих запястьях — не больно, но так, что я не могла пошевелиться.

— Ты хочешь поиграть со мной? — спросил он тихо, почти шёпотом.

Я сглотнула. Пересохшие губы вдруг стали ватными.

Он стоял так близко, что я чувствовала жар его тела. Запах — тот самый, древесный, с лёгкой горчинкой — ударил в голову сильнее любого вина. Я подняла глаза. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Чёрные глаза смотрели прямо в меня — не на меня, а внутрь. В самое нутро.

В них я увидела желание. Чистое, не замаскированное ни вежливостью, ни сомнениями. Похоть? Да. Но не только. Что-то более глубокое, более тёмное, от чего внутри всё сжалось в тугой узел.

С моим телом происходило что-то странное. Оно онемело, потеряло вес, превратилось в кусок ваты. Я не могла ни шагнуть назад, ни закричать, ни даже дышать нормально.

Я поняла, что сейчас сделаю что-то, о чём пожалею. Или о чём не пожалею никогда.

— С тобой я играть не хочу, — произнесла я, и это прозвучало почти нежно.

А потом я сама потянулась к нему.

И поцеловала.

Первый поцелуй не был долгим. Он был острым, быстрым, как вспышка — на грани укуса. Мои губы просто прижались к его на секунду, но этого хватило, чтобы голова пошла кругом. Бабочки в животе, о которых я читала в глупых романах, вдруг оказались реальными — они бились где-то под рёбрами, сбивая дыхание.

Я отстранилась. Сердце колотилось так, что, наверное, он слышал.

Его лицо изменилось. Ухмылка исчезла. Глаза потемнели, стали глубже, серьезнее. Он смотрел на меня так, будто видел впервые.

Он взял меня за подбородок — пальцы горячие, чуть шершавые — и приподнял моё лицо, заставляя смотреть прямо на него.

— У тебя были мужчины? — спросил он хрипло, почти с надрывом.

Я только покачала головой. Слова застряли в гортани.

Его челюсть напряглась. Желваки заходили ходуном.

— Тая, — выдохнул он мое имя так, будто оно имело вес. Будто оно что-то значило.

Мы стояли друг напротив друга — я в халате, он без майки, между нами воздух наэлектризовался до предела. Со стороны мы, наверное, выглядели как пара, которая за секунду до этого рвала друг на друге одежду. Или как двое, которые боятся сделать следующий шаг.

Наши взгляды встретились. В моих — испуг и любопытство. В его — голод и контроль, который он удерживал из последних сил.

Я облизала пересохшие губы — машинально, нервно.

Этого движения оказалось достаточно.

— Не надо было этого делать, — прошептал он.

И барьер, который мы оба пытались удержать, рухнул.

Он накрыл мои губы своими — уже не коротко, не осторожно. Глубоко. Жадно. Так, будто я была водой в пустыне, а он шёл ко мне целую вечность. Его руки скользнули с моих запястий на талию, притягивая ближе, вжимая в его твёрдое, горячее тело.

Я забыла, как дышать.

И, кажется, впервые в жизни не хотела вспоминать.

Глава 4

То, что случилось между нами, невозможно описать словами.

Я даже не уверена, что в человеческом языке существуют такие слова — достаточно ёмкие, чтобы вместить всё это. Это был не просто секс. Это был фейерверк. Взрыв. Что-то такое, от чего земля уходит из-под ног, а потом возвращается уже другой — перевёрнутая, новая, незнакомая.

Он сделал меня женщиной.

Несмотря на рану. Несмотря на то, что каждое движение давалось ему с трудом.

Я заметила это сразу — как он напрягся, когда переворачивался, как прикусывал губу, когда я случайно касалась его левого бока. Как иногда замирал на секунду, закрывал глаза и глубоко дышал, пережидая вспышку боли. Но он не останавливался. И ни разу не подал виду, что ему тяжело.

Только однажды, когда я провела ладонью по его груди и чуть надавила, он резко перехватил мою руку.

— Тише, — выдохнул он хрипло. — Там... не надо.

Я отдёргнула руку, как ошпаренная.

— Больно? — прошептала я виновато.

Он посмотрел на меня — и улыбнулся. Кривовато, через силу.

— Бывало и хуже, — ответил он. — Не останавливайся.

И я не остановилась.

Он был аккуратным. Медленным. Почти болезненно трепетным, будто я была хрупкой вещью, которую он боялся разбить. Но иногда — когда забывался, когда страсть перехлёстывала через край — движения становились резче, и тогда он замирал, зажмуривался, переживал. Желваки ходили ходуном на его скулах, лоб покрывался испариной, но он ни разу не вскрикнул.

Он терпел. Ради меня.

Я лежала рядом с ним, чувствуя, как тело гудит и покалывает в самых неожиданных местах, и думала: это был секс на одну ночь. Всё правильно. Так бывает. Люди встречаются, проводят ночь и расходятся. Нечего придавать этому больше значения, чем есть.

Но внутри, глубоко-глубоко, что-то шептало: нет. Это не было «просто сексом». Это было что-то другое. Что-то, чему у меня нет названия.

Я хранила себя слишком долго. Слишком. И дело было не в принципах и не в религии — просто не встречался тот, кому я захотела бы отдать эту часть себя. А сейчас — отдала. Не думая. Не сомневаясь.

Странно, но я ни секунды не жалела.

Дыхание Данила выровнялось, стало глубже и спокойнее, но я чувствовала, как его тело всё ещё напряжено — он продолжал контролировать боль даже в минуты отдыха.

Он лежал рядом, его рука тяжело лежала на моей талии, пальцы лениво водили по коже — без цели, просто так.

— Если бы я сам не знал, — прошептал он хрипло, прямо в ухо, и от этого шёпота у меня по всему телу побежали мурашки, — то ни за что бы не поверил, что я был у тебя первым. Ты меня выжала как лимон.

Я усмехнулась, не открывая глаз.

— Сама в шоке, — ответила тихо и уставилась в потолок.

Над нами была всё та же белая лепнина. Люстра, которую никто не включал. За окном, уже всю кипела курортная жизнь — а здесь, в этой комнате, время застыло.

Тело ломило. Не больно — приятно, как после долгой тренировки. А в животе до сих пор порхали те самые дурацкие бабочки, которых я раньше считала выдумкой писательниц любовных романов.

— Тебе понравилось? — его губы коснулись моего уха. Он хотел прикусить мочку — но на полпути замер, пережидая очередной спазм. Потом всё-таки сделал это — легонько, дразняще. — Скажи честно.

Внутри меня всё сжалось в тугую, горячий комок. Снова. Тело требовало продолжения, хотя разум кричал, что нужно остановиться, взять паузу, подумать.

Я не хотела ему в этом признаваться. Слишком откровенно. Слишком уязвимо.

— Более чем, — выдохнула я и посмотрела на него из-под опущенных ресниц.

И увидела, как его глаза потемнели ещё сильнее.

— Ты просто уникам, — сказал он, и в голосе не было лести — только искреннее, почти научное любопытство. — Как тебе удалось такое сохранить?

Он провёл большим пальцем по моей щеке — медленно, едва касаясь — и склонился к губам. Поцелуй был лёгким, почти невесомым, как обещание.

Но вместо того чтобы растаять, я вдруг остро почувствовала стыд. Жаркая волна залила лицо, шею, грудь. Я выскользнула из-под него — резко, неуклюже, как испуганная кошка.

— Ты куда? — он приподнялся на локте, и я заметила, как трудно ему далось это движение. Его лицо на секунду исказила гримаса боли, которую он тут же спрятал.

— Мне нужно помыться, — бросила я, нашаривая халат, который был скинут на пол.

— Тая, — его голос стал тише, серьезнее. — Прости, если сделал тебе больно.

Я замерла. В этих словах было раскаяние — настоящее, не наигранное. Но я заметила, как он придерживает левый бок свободной рукой, дышит поверхностно, часто.

— Всё нормально, — ответила я, не оборачиваясь. — Ты ни в чём не виноват.

— Тая, — позвал он снова. — Иди сюда.

Я послушалась. Подошла. Он притянул меня к себе — осторожно, чтобы не задеть рану — и прижал к груди здоровой стороной. Его пальцы зарылись в мои волосы.

— Тебе больно, — сказала я утвердительно, а не вопросительно.

— Терпимо, — ответил он. — Не в первый раз.

— Зачем ты... зачем мы это сделали? — тихо спросила я. — Ты же ранен. Тебе нужно лежать.

— Именно поэтому, — он усмехнулся, и я увидела, как блестят его глаза — лихорадочно, возбуждённо. — Когда держишь в руках такую девушку, как ты, боль отступает.

Он подхватил меня на руки — и я почувствовала, как вздулись вены на его шее от напряжения. Несколько шагов до душа дались ему с трудом. Он поставил меня на ноги, включил воду, а сам прислонился спиной к прохладной плитке, закрыв глаза.

— Данил, — позвала я испуганно. — Тебе плохо?

— Всё хорошо, — ответил он, не открывая глаз. — Просто... минуту. Дай минуту.

Я стояла под тёплой водой и смотрела на него — бледного, осунувшегося, с влажными от пота волосами. Повязка на боку чуть промокла, и мне показалось, что под ней проступила свежая кровь.

— Нужно поменять повязку, — сказала я. — И нельзя мочить.

— Потом, — отмахнулся он. Открыл глаза, посмотрел на меня — и улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня подкашивались колени. — Иди сюда.

Я подошла. Он взял гель для душа и начал намыливать моё тело. Медленно. Нежно. Но я чувствовала, как дрожат его руки.

— Ты не должен напрягаться, — прошептала я.

— Я должен тебя помыть, — ответил он твёрдо. — Это не обсуждается.

Он делал это так, будто я была сокровищем. Проводил ладонями по каждому сантиметру кожи — медленно, благоговейно. Когда его пальцы коснулись моего живота, я выдохнула и сама потянулась к нему.

— Нет, — сказал он тихо, останавливая меня. — Сейчас — только я. Ты отдыхай.

— Но ...

— Никаких, но.

Как мы снова оказались на кровати — я не помню. Всё слилось в одно тягучее, сладкое мгновение. Данил двигался медленнее, чем в первый раз — осторожнее, экономнее. Я чувствовала, что каждое движение даётся ему через силу, но он не останавливался.

После всего он упал на спину, тяжело дыша. Я лежала рядом, боясь пошевелиться, чтобы не причинить ему боль.

— Ты как? — спросила я шёпотом.

— Жить буду, — ответил он, но голос был слабее, чем раньше.

— Данил, — я коснулась его щеки. — Тебе нужно отдохнуть. Серьёзно. Никаких больше... подвигов.

Он поймал мою руку, поднёс к губам, поцеловал пальцы — по одному, медленно.

— Ты стоила каждого движения, Тая, — сказал он. — Каждой секунды боли.

Я придвинулась ближе, положила голову ему на плечо (на здоровое, проверяя каждое движение) и почувствовала, как его рука обнимает меня за талию.

— У тебя кровь, кажется, — прошептала я. — На повязке.

— Завтра поменяю, — ответил он. — Сейчас... сейчас просто полежи со мной.

Мы замолчали. Тишина была тёплой, плотной, как одеяло. Через какое-то время я услышала его мерное дыхание — он уснул.

Я не спала. Смотрела на его лицо — бледное, осунувшееся, с тенями под глазами. Даже во сне он иногда вздрагивал, хмурился — наверное, боль прорывалась сквозь сон.

«Какой же он упрямый», — подумала я. — «Раненый, а вёл себя так, будто ничего не случилось».

Я сама не заметила, как провалилась в сон.

Когда я проснулась, за окном только начинало светать. Небо за шторой было молочно-серым, с первыми проблесками розового.

Данил спал. Крепко. Глубоко. Его дыхание было ровным, тяжёлым — он обессилел окончательно. Рука, которая ещё ночью сжимала меня в объятиях, теперь безвольно лежала на простыне.

Я смотрела на него несколько секунд. На его спокойное, беззащитное лицо. На повязку, которая чуть пропиталась кровью — значит, я не ошиблась. На тёмные круги под глазами, которых вчера днём не было.

Он спал так крепко. Сказались и потеря крови, и боль, и наша безумная ночь, и, наверное, те лекарства, которые он принял перед сном — я видела на столике блистер с какими-то таблетками.

Всё очарование прошлой ночи испарилось в одно мгновение. Остался только стыд — липкий, тяжёлый, невыносимый.

Захотелось провалиться сквозь землю. Уехать в другой город. В другую страну. Сменить имя.

Как я теперь посмотрю ему в глаза, когда он проснётся?

Я не посмотрю. Я уйду.

Осторожно, задерживая дыхание после каждого движения, я выскользнула из кровати. Простыня чуть шелестнула — я замерла. Данил не пошевелился. Только нахмурился во сне, перевернулся на здоровый бок и затих.

Я на цыпочках пробралась в ванную.

Там, на полотенцесушителе, висела моя блузка — сухая, но помятая, с бледно-розовым пятном там, где была кровь. Брюки — вчерашние, но чистые. Я торопливо натянула их на себя, дрожащими пальцами застегнула пуговицы.

В зеркало старалась не смотреть. И так знала, что увижу.

Закончив, я приоткрыла дверь ванной и выглянула в комнату.

Данил спал. Его грудь мерно поднималась и опускалась. Он даже не пошевелился.

Я выскользнула к двери. Дёрнула ручку — заперто. Конечно. Снаружи.

Я замерла в отчаянии. Неужели придётся ждать, пока он проснётся?

Но в этот момент я услышала шаги в коридоре. Тяжёлые, уверенные. А потом звук отпираемого замка.

Дверь приоткрылась, и в проёме показался тот самый человек в чёрном. Громила. Он посмотрел на меня, потом — через моё плечо — на спящего Данила. В его взгляде не было удивления. Только спокойная констатация фактов.

— Выходите, — сказал он тихо. — Только тихо.

Я выскользнула в коридор, даже не оглядываясь. Громила бесшумно закрыл дверь, и я услышала, как щёлкнул замок — теперь с моей стороны.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Не за что, — ответил он равнодушно. — Держитесь подальше от всего этого. Для вашей же безопасности.

Он развернулся и ушёл в сторону лифта, даже не спросив, как я доберусь до своего крыла.

Я осталась одна в пустом коридоре люксового этажа.

В голове гудело. Тело ныло. Губы саднило от поцелуев.

Я сделала несколько шагов к служебной лестнице — и только тогда позволила себе выдохнуть.

Изо всех сил я старалась не думать о том, что оставила его там одного. Что он проснётся — и меня не будет рядом.

Что, возможно, это было правильно.

И что, возможно, я только что совершила самую большую глупость в своей жизни.

Глава 5

— Тая... Тая, ты меня слышишь?

Голос доносился будто из-под толщи воды — глухой, далёкий, но настойчивый.

— Что у тебя случилось? Ты бледная, как привидение.

Я моргнула и сфокусировала взгляд. Передо мной сидела Лена — девушка, с которой мы делили смены за стойкой администратора. Её круглое, добродушное лицо было встревожено. Она наклонилась ко мне, пытаясь заглянуть в глаза.

Я что-то пробормотала в ответ — нечленораздельное, бессмысленное — и откинулась на спинку диванчика в холле отеля. Тело слушалось плохо. Ноги дрожали. В голове гудело, как в улье.

Лена придвинулась ближе, понизила голос:

— Тая, что произошло? Не молчи, ты меня пугаешь. Я тебя такой никогда не видала. — Она помолчала секунду, потом добавила, глядя в сторону: — Как только горничная заметила, что ты выходишь из номера «Люкс», она сразу сообщила директору. Он, кстати, сейчас придёт.

Она опустила глаза, и я вдруг с ледяной ясностью поняла, о чём будет наш разговор.

Я не ошиблась.

— И, кстати, — Лена подняла на меня виноватый взгляд, — директору вообще сказали, что ты уехала из отеля. Какой-то мужчина звонил, представился твоим родственником. Сказал, что тебя срочно вызвали домой по семейным обстоятельствам. — Она помялась. — А ты вот здесь. И выходишь из «Люкса».

Я закрыла глаза.

— Я была... — начала я и запнулась.

А что я могла сказать? Что переспала с постояльцем? Что на него было покушение и меня насильно заперли в номере? Что я видела пулю, кровь и доставала её пинцетом из чужого тела?

Сказать правду? Нет. Это звучало как бред сумасшедшей. И хуже того — это бы не спасло мою работу. Только добавило бы проблем.

Пришлось фантазировать на ходу.

— Мне действительно пришлось срочно уехать по личным делам, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А в номере «Люкс» я оказалась случайно. Я как раз шла к директору, и меня окликнули из номера. Попросили поменять полотенца.

Лена смотрела на меня широко раскрытыми глазами. В них читалось сомнение, но, кажется, она решила поверить. По крайней мере, спорить не стала.

— Ладно, — кивнула она. — Но ты вообще знаешь, кто в этом номере остановился?

Тон её вдруг изменился. В нём появилась какая-то странная, почти благоговейная нотка.

— Нет, — честно ответила я. — На нём не было таблички с именем.

— Это же Данил Яров, — выдохнула Лена, подавшись вперёд. — Молодой миллиардер. Входит в двадцатку Forbes. Построил целую империю в строительном бизнесе — отели, недвижимость, инфраструктурные проекты. — Она посмотрела куда-то вдаль, мечтательно прищурившись. — И ещё он холост, между прочим.

У меня внутри всё перевернулось.

Миллиардер. Forbes. Империя.

А я — уволенный администратор с испорченной блузкой и стыдом на утро.

Захотелось провалиться сквозь землю.

— А я что, должна всех миллиардеров знать в лицо? — буркнула я, стараясь скрыть замешательство.

— Ну ты даёшь, — покачала головой Лена и, кажется, хотела добавить что-то ещё, но в этот момент из-за угла показалась заместитель директора — сухая женщина в строгом костюме, с лицом, не предвещающим ничего хорошего.

— Таисия, вас просят в кабинет, — сказала она ледяным тоном и развернулась, даже не дожидаясь моего ответа.

Я поднялась. Ноги дрожали. Внутри всё сжалось в тугую, холодную комок.

— Держись, — шепнула Лена мне вслед.

Я не ответила.

Кабинет директора был мне знаком до мельчайших подробностей — я забежала сюда сотни раз за документами, отчётами, ключами. Светлые стены, массивный дубовый стол, кожаные кресла, аквариум с золотыми рыбками в углу. Всё то же самое.

Только сейчас это место казалось чужим, враждебным.

Директор — мужчина лет пятидесяти с ухоженной бородой и вечно скучающим взглядом — сидел за столом и что-то просматривал в планшете. Когда я вошла, он даже не поднял головы сразу. Выдержал паузу. Дал мне постоять.

Я стояла. Молчала. Смотрела на аквариум.

— Таисия, — наконец произнёс он, откладывая планшет и складывая руки в замок на столе. Его тон был ровным, безразличным, как у врача, сообщающего неприятный диагноз. — Ты понимаешь, что после такого провала на испытательном сроке я вынужден с тобой попрощаться?

Он смотрел на меня пустыми глазами, в которых не было ни злости, ни сожаления. Просто констатация факта. Бизнес, ничего личного.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Захотелось разреваться, упасть в истерику, умолять дать второй шанс. Но я сдержалась. Сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и выдохнула.

— Подождите. Я оступилась всего один раз. Я пахала без выходных целый месяц. Разве это не идёт в зачёт?

— Видишь ли, — он провёл рукой по волосам — жест, полный усталости и желания поскорее закончить этот разговор. — У нас высокий статус отеля. Ты это знаешь. Здесь даже одна ошибка неприемлема. Все сотрудники это знают, поэтому держатся за свои места мёртвой хваткой.

— Я знаю, что ошиблась, — сказала я, чувствуя, как голос начинает предательски дрожать. — Но из-за одного раза... это как-то жестоко, не находите?

Я не могла сказать правду. Не могла объяснить, что меня силой удерживали в номере, что на постояльца было покушение, что я провела ночь, вытаскивая пули и пытаюсь не сойти с ума от страха. Даже если бы я рассказала — кто бы мне поверил?

— Такие правила, Таисия, — он развёл руками, и его равнодушный вид говорил громче любых слов: разговор окончен. — Они прописаны в твоём трудовом договоре. Можешь получить в бухгалтерии зарплату за отработанные дни.

Я кивнула. Развернулась. Вышла.

В коридоре я прислонилась к стене, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Воздух не шёл в лёгкие. Внутри всё кипело от обиды.

Я сделала так много. Работала за двоих. Улыбалась гостям, когда хотелось плакать. Никогда не опаздывала. И вот — одна ночь, один нелепый поворот судьбы, и всё коту под хвост.

Я забрала расчёт. Деньги были смешными — хватило бы разве что на билет домой и пару недель скромной жизни.

И стоя на пороге отеля, в котором я проработала почти два месяца, я вдруг остро, физически ощутила, как сильно устала. Как мечтала об отпуске. О том, чтобы просто лечь и ни о чём не думать.

Мечты сбываются, только не так, как хочется.

Я села на скамейку у входа, достала телефон и посмотрела расписание поездов. Ближайший домой — через три часа.

В съёмную квартиру без работы? Или к маме? С повинной, с опущенной головой?

Мама, конечно, встретит с распростёртыми объятиями. Она и отпускать меня не хотела из нашего маленького городка. Говорила: «Куда ты рвёшься, дочка? И здесь можно жить хорошо».

Но я рвалась. Хотела большего. Хотела помочь ей, вытащить из той вечной гонки между работой в кафе и домашними заботами.

И вот я возвращалась ни с чем. Без работы. Без денег. Без плана.

Только с тяжёлым сердцем и воспоминаниями о чужом мужчине.

Глава 6

В поезде я заняла место у окна. Вагон был старым, пахло пылью и почему-то огурцами из соседней сумки. Люди вокруг шумели, переговаривались, дети носились по проходу. Обычная жизнь, от которой я так отвыкла за последние месяцы.

Я откинулась на сиденье, прикрыла глаза и сразу же — снова, как только за них опускалась темнота — увидела его.

Данил. Его лицо. Его руки. Глаза, которые смотрели так, будто видели меня насквозь.

Наша ночь. Каждое прикосновение, каждый шёпот. То, как он, несмотря на боль, делал всё, чтобы я чувствовала себя желанной. Как бережно держал моё лицо в ладонях. Как шептал моё имя так, будто оно имело вес.

Мои колени задрожали. От одной только мысли о нём.

Он сказал, что хочет встретиться. Сказал, глядя прямо в глаза: «Я хочу видеть это снова. Чувствовать. Брать. Только с тобой».

А я что ждала? Что он потащит меня под венец? Будет клясться в вечной любви перед алтарём?

Нет. Я ничего не ждала. И ни о чём не жалею.

Мой первый раз случился с мужчиной, который — даже если больше никогда не появится в моей жизни — навсегда останется в памяти. Лучшим? Может быть. Самым запоминающимся — точно.

Я встречалась с парнями раньше. Были и хорошие кандидаты — добрые, заботливые, правильные. Но ни с одним из них я не испытала и капли тех чувств, которые во мне разбудил он. Ничего, что заставило бы сердце биться чаще. Ничего, что заставило бы меня захотеть пойти дальше, чем поцелуй.

Вот поэтому дальше поцелуя у меня никогда и не заходило.

До него.

На вокзале меня встретила мама.

Я увидела её издалека — маленькую, в любимом цветастом платке, с огромным пакетом в руках (наверняка с едой — она без этого никогда). Она махала мне рукой и улыбалась, и улыбка у неё была такая светлая, что у меня защипало в глазах.

— Таюшка! — она обняла меня так крепко, что я почти задохнулась. — Худая какая! Не кормят тебя там, что ли?

— Мам, кормят, — ответила я, утыкаясь носом в её плечо и вдыхая родной запах пирогов и ванили. — Сама виновата.

Она не стала задавать вопросы. Не стала выпытывать, почему я вернулась так рано и без предупреждения. В её глазах не было осуждения — только радость от того, что я рядом.

Она просто встретила своего ребёнка, по которому безумно соскучилась.

И за это я была ей благодарна больше, чем она могла себе представить.

У нас никого нет, кроме друг друга.

Папа погиб, когда мне было семь лет.

Мы ехали на дачу — лето, солнце, окна открыты. Папа за рулём, мама рядом, я на заднем сиденье. Я смотрела в окно и считала столбы. Папа что-то напевал, мама улыбалась.

Мы поворачивали на светофоре — и всё кончилось.

Какая-то машина вылетела на перекрёсток на красный и врезалась в нас со стороны отца. Сразу. Мгновенно. Папа погиб на месте, даже не понял, наверное, что произошло.

Мы с мамой отделались сравнительно легко — у неё был перелом ноги, у меня сотрясение. Полицейские сказали, что меня спас ремень безопасности.

Нам с мамой его не хватает до сих пор, спустя столько лет. Мы были полноценной, счастливой семьёй. Папа был нашим стержнем, нашей опорой. После его смерти мама держалась ради меня, а я — ради неё.

Она работает поваром в маленьком кафе, зарабатывает копейки. Именно поэтому я уехала — хотела помочь. Хотела чего-то добиться.

Пока не добилась ничего, кроме увольнения и ночи с миллиардером.

— Идём, идём, — мама подхватила меня под руку, не давая уйти в тяжёлые мысли. — Пирог испекла, с вишней. Твой любимый.

Я вдохнула полной грудью. Воздух дома — он всегда был особенным. Тёплым, безопасным, словно одеяло, в которое можно укутаться от всего мира.

Дома мама быстро накрыла на стол — чайник уже кипел, пирог был нарезан аккуратными треугольниками, на блюде — варенье и сметана.

— Рассказывай, — сказала она, садясь напротив и подперев щеку рукой.

Я рассказывала. Не всё, конечно. Не про Данила, не про пулю и покушение. Не про то, как провела эту ночь. Но про работу — про то, как устала, как меня уволили, как несправедливо. Мама слушала, кивала, иногда вздыхала.

— Не переживай, дочка, — сказала она, когда я замолчала. — Работа найдётся. Ты у меня молодец, справишься.

Мы говорили до ночи. Обо всём — о соседях, о её работе, о Светке, которая забегала узнать, когда я вернусь. О пустяках, которые так важны, когда долго не виделись.

Потом мама встала, взяла меня за руку и отвела в мою комнату. Кровать была застелена свежим бельём, которое пахло солнцем и кондиционером.

— Ложись, Таюш, — сказала она, укрывая меня одеялом, как в детстве. — Завтра поговорим.

Она поцеловала меня в щеку — легко, будто я всё ещё была маленькой девочкой — и пожелала спокойной ночи.

Когда дверь закрылась, я лежала в темноте и смотрела в потолок. Знакомый, родной потолок с трещинкой в углу, которую папа обещал заделать и не успел.

Слёзы пришли сами. Сначала одна, потом другая, потом поток, который невозможно было остановить.

Я плакала обо всём. О работе, которую потеряла. О маме, которая не заслуживает такой жизни. О папе, которого отняли слишком рано. О Даниле, который остался там — в другой жизни, в отеле, в номере, куда мне больше никогда не войти. О себе — глупой, наивной, поверившей, что этот раз будет особенным.

Я так и уснула — со слезами на глазах, уткнувшись лицом в подушку.

Глава 7

Утром меня разбудил мамин голос.

— Таюшик, — она приоткрыла дверь и заглянула в комнату, — к тебе тут пришли.

Она посторонилась, и в проёме показалось нечто — копна рыжих кудрей, широченная улыбка и руки, уже распахнутые для объятий.

— Приветик, соня-засоня! — Светка налетела на меня ураганом, прижала к груди и закружила бы, если бы я не сидела на кровати.

Я только успела поправить волосы и сесть ровнее.

— Света! — я рассмеялась — впервые за последние дни по-настоящему. — Ты не свет, ни заря! Как тебя только мама впустила?

— А твоя мама меня обожает, ты знаешь, — Светка отстранилась, оглядела меня с ног до головы и нахмурилась. — Ты худая, подруга. Прямо страшно.

— Приятно тоже, — фыркнула я. — Здравствуйте, Светлана, я тоже по вам скучала.

— Ой, да ладно, — она махнула рукой и плюхнулась рядом на кровать. — Ты так внезапно пропала. Перестала выходить на связь. Потом уехала. Я уже волноваться начала.

Я виновато опустила взгляд.

— Да. Прости. Просто всё навалилось, и я решила сменить обстановку. В хорошем смысле.

Света знала меня достаточно хорошо, чтобы не удивляться. Она вообще была из тех людей, которые принимают тебя любым — с твоими сумасшедшими идеями, внезапными отъездами и долгим молчанием.

— Светуль, — я взяла её за руку и посмотрела в глаза. — У меня столько произошло за эти пару месяцев, что столько не происходило за всю жизнь, прожитую здесь.

Она тут же заинтересованно придвинулась. Завалилась на кровать, прильнула ко мне плечом и уставилась с таким видом, будто собиралась смотреть самый захватывающий фильм в своей жизни.

— Ну, подруга, рассказывай. Я вся во внимании и в нетерпении.

Мы трещали часа четыре. Я рассказывала почти всё — кроме самого сокровенного. Про отель, про дурацкие смены, про гостей-придурков. Про то, как меня уволили из-за одной ночи отсутствия (правду про причину отсутствия я, конечно, опустила). Про то, как я села в поезд и поехала домой, потому что больше некуда.

Светка слушала, охнула, возмущалась, качала головой. А потом вдруг спохватилась.

— Ой, время! — она вскочила с кровати. — Мне в больницу надо.

— Ты работаешь сегодня?

— Ага. Я, между прочим, теперь главная медсестра в хирургии, — она гордо вздёрнула подбородок. — И вообще, слушай, — она посмотрела на меня внимательно. — А можно я тебя с собой возьму? У тебя же медосмотр наверняка давно просрочен, а тебе работу искать — справка нужна.

Я задумалась.

— Да, ты права. Я как раз собиралась к вам на днях зайти.

— А зачем завтра? — Светка улыбнулась, сверкнув глазами. — Пошли сейчас. Я тебя по-быстрому, по-свойски, по высшему разряду проверю. Как капитан корабля, — она отсалютовала мне рукой, и я невольно рассмеялась.

— Ладно, уговорила. Дай переоденусь.

В поликлинике царил привычный хаос. Очередь к терапевту извивалась по коридору, люди переругивались, пенсионеры отстаивали место у кабинета локтями. Запах лекарств, хлорки и усталости витал в воздухе.

Государственная медицина — она всегда такая. Здесь время течёт иначе. Здесь за место в очереди готовы тебя разорвать.

Но мы прошли мимо всей этой суеты. Светка уверенно вела меня за собой, кивая знакомым медсёстрам и врачам, открывая своим ключом служебные двери.

— Меня здесь любят и ценят, — говорила она по дороге. — Я, между прочим, лучшая помощница в хирургии.

— Переходи в частную клинику, — в сотый раз сказала я. — Там больше платят.

— Здесь движуха, — в сотый раз ответила она. — Жизнь кипит. А в частных — одни справки и уколы красоты.

Мы зашли в процедурный кабинет. Через полчаса Светка проверила меня с ног до головы — взяла кровь из вены, померила давление, проверила рефлексы, задала кучу вопросов.

Потом она взяла мои анализы, посмотрела на них и нахмурилась.

— Что-то мне не нравится твоя кровь, — сказала она медленно, вглядываясь в цифры. — Некоторые показатели слишком низкие. Гемоглобин, железо, ещё пара вещей.

Она встала и начала ходить по кабинету — быстрыми, нервными шагами, как делала всегда, когда о чём-то сильно думала.

— Давай-ка ещё сделаем КТ и УЗИ, — сказала она наконец. — Лишним не будет.

У меня внутри всё похолодело.

— Этого мне сейчас только не хватало, — я посмотрела на неё страдальчески. — Надеюсь, ничего серьёзного?

— Это может быть банальная усталость, — Светка положила руку мне на плечо. — Ты замоталась. Работала без выходных. Плюс переживания, стресс, переезд. Организм дал сбой. Но мы проверим, чтобы исключить худшее. Я сейчас всё организую. Ты посиди тут, я тебя позову.

Она вышла, а я осталась одна.

Я достала телефон. Зачем-то, сама не понимая зачем, открыла браузер и в поисковой строке набрала: «Данил Яров».

Результат вывалился мгновенно. Целая вселенная информации.

Статьи, интервью, фотографии. Рейтинги журналов, биография, список активов. Строительная империя Яровых — один из крупнейших холдингов в стране, представленный едва ли не в каждом уголке мира.

Я залипла на его фотографии. На них он был другим — в дорогих костюмах, на светских мероприятиях, с непроницаемым лицом и взглядом, который, казалось, пробивал экран. Но глаза — те же самые. Чёрные, глубокие, как ночь. От одного взгляда на них у меня по коже бежали мурашки.

Я изучила его биографию вдоль и поперёк. Элитная школа. Престижный университет. Стажировки за границей. Вход в семейный бизнес в двадцать три года. Потом — стремительный взлёт.

Семья — богатая, старая, с историей. Мать, отец, младшая сестра. Живут закрыто, в медиа не лезут.

Я с отдалённой, глупой ревностью рассматривала фотографии его спутниц. Высокие, стройные, холёные. Дорогая одежда, идеальный макияж, улыбки, которые, кажется, стоят целое состояние. Они менялись с каждой светской хроникой — одна, вторая, третья. С той скоростью, с которой он мелькал на страницах глянца, можно было легко догадаться, что он не женат.

И вряд ли собирается.

Я стала листать новости — последние, самые свежие.

Ни слова о покушении. Нигде.

Зато было несколько заметок о том, что Яров «внезапно прервал деловую поездку» и «исчез из поля зрения» два дня назад. Пресс-секретарь не комментирует. Инсайдеры говорят о проблемах в бизнесе.

Значит, выбрался. Уехал из отеля.

Я выключила телефон и положила его на колени экраном вниз.

Да и пофиг.

Нужно забыть его. Выкинуть из головы. Не вспоминать больше никогда.

Я сидела в процедурном кабинете, пахнушем лекарствами и стерильностью, и смотрела в стену. За окном светило солнце, такой же солнечный день, как тогда, в отеле, когда я впервые его увидела.

Сердце сжалось.

«Забуду», — сказала я себе твёрдо. — «Обязательно забуду».

Глава 8

Когда все процедуры были пройдены и выяснилось, что ничего серьёзного со мной не случилось — просто лёгкое истощение, низкий гемоглобин и усталость, — я выдохнула с облегчением. Светка осталась дорабатывать смену, а я отправилась домой пешком, по знакомым с детства улицам.

Воздух в родном городе был другим. Не таким солёным, как на море, а каким-то... домашним, что ли. Пахло тополями, чьим-то шашлыком и пылью. Я шла медленно, вдыхая этот запах полной грудью, и чувствовала, как напряжение постепенно отпускает.

Следующие две недели я провела в лежаче-домашнем режиме. Мама не гнала меня на работу — наоборот, кормила, поила чаем с вареньем, укрывала пледом, когда я засыпала на диване перед телевизором.

— Отдыхай, дочка, — говорила она, поправляя одеяло. — Нароботаешься ещё.

Я помогала по дому — мыла посуду, вытирала пыль, поливала цветы на подоконнике. Мама возвращалась с работы уставшая, но счастливая — от того, что я рядом.

Но мне становилось совестно.

Деньги, которые мне выплатили в отеле при увольнении, подходили к концу. Я считала каждую копейку, откладывала на самое необходимое, но таяли они с пугающей быстротой.

— Надо искать работу, — сказала я себе на пятнадцатый день домашнего сидения.

Я открыла ноутбук, залезла на сайты с вакансиями и быстро поняла: в нашем маленьком городке с этим туго. Вакансий было мало, зарплаты — смешные. Я смотрела на цифры и не верила своим глазам — за месяц здесь платили столько, сколько я зарабатывала в отеле за неделю.

— Мама работает в кафе, — пробормотала я, листая объявления. — Может, с моими знаниями мне найдётся место там?

У меня за плечами был опыт в сфере обслуживания и административная работа. Не бог весть что, но для небольшого кафе — более чем достаточно.

Я не стала долго раздумывать. Оделась, привела себя в порядок и отправилась в кафе, где работала мама.

Заведение называлось «Уют» — и название полностью соответствовало действительности. Небольшое, с деревянной мебелью, мягкими диванчиками, живыми цветами на подоконниках и приглушённым светом. Пахло кофе, ванилью и выпечкой. Я заняла столик у окна и сделала заказ.

Кофе принесли быстро. Я отпила глоток, поставила чашку на блюдце и стала рассматривать обустройство заведения. Здесь было действительно уютно — не пафосно, не вычурно, а по-домашнему тепло. На стенах висели картины местных художников, на полках — книги, которые можно было взять почитать. Музыка играла тихая, фоновая, не мешающая разговору.

«Мне бы понравилось здесь работать», — подумала я. — «Совсем не то, что пятизвёздочный отель с капризными гостями и их требованиями».

От мыслей меня отвлёк мамин голос.

— Таюша! — она вышла из-за барной стойки, вытирая руки о фартук. Щёки у неё покраснелись — на кухне, наверное, жарко. — Как дела? Ты по делу или просто зашла?

— По делу, мам, — я отодвинула чашку, освобождая место. — Присаживайся на минутку.

Она присела на краешек стула напротив, внимательно глядя на меня.

— Я сегодня искала работу, — начала я. — И мне пришла в голову мысль... Я ведь училась в сфере общепита, а в городе по моей специальности никто не требуется. — Я сделала паузу. — Может, у вас в кафе кто-нибудь нужен? Администратор, бариста, на ресепшен? Я на всё согласна.

Мама помолчала секунду, потом её лицо осветилось улыбкой.

— Я поговорю с начальником, — сказала она. — Он как раз сегодня из отпуска приезжает. — Она взяла меня за руку. — Вот было бы здорово, если бы ты со мной работала, Таюша. Мы бы каждый день виделись.

Она улыбнулась так искренне и по-доброму, что у меня защемило в глазах.

— Ну тогда я жду от тебя новостей, — я встала из-за стола, собираясь обнять её. — А я пока пойду домой, вкусненькое что-нибудь приготовлю.

— Ты что? — мама схватила меня за руку. — Я тебя так просто не отпущу. — Она встала, поправила фартук. — Я такие капкейки сегодня сделала... пальчики оближешь. Сиди здесь, я мигом.

И она понеслась на кухню с такой скоростью, будто за ней гнались.

Я только усмехнулась и села обратно.

Через три минуты (я засекала — у мамы была феноменальная скорость, когда дело касалось еды) она уже вернулась, и перед моим носом стояла тарелка с маленькими, аккуратными капкейками, украшенными кремовой шапочкой и ягодой сверху.

— Мам, они такие красивые, — выдохнула я. — Их жалко есть.

— Ешь, не жалея, — мама присела напротив, подперев щеку рукой и наблюдая за мной с явным удовольствием.

Я обожала её стряпню. Всегда обожала. Мама выбрала профессию по душе — кулинария была у неё в крови. Бабушка говорила, что в детстве мама могла замесить тесто из чего угодно и накормить всю улицу.

Я взяла капкейк, поднесла к лицу и, как всегда перед первым укусом, глубоко вдохнула этот божественный аромат.

Ваниль. Сливочное масло. Свежая выпечка.

И вдруг мне стало не по себе.

Не тошнота — нет. Что-то другое. Какая-то волна, поднявшаяся изнутри, тяжёлая и неотвратимая.

Я опустила капкейк на тарелку, медленно встала и, не сказав ни слова, рванула в сторону туалета.

Слава богу, успела.

Меня вывернуло наизнанку — сильно, болезненно, до слёз. Я стояла на коленях перед унитазом, держась за край и тяжело дыша, и не понимала, что со мной происходит.

Минута. Другая.

Я поднялась, подошла к раковине, ополоснула лицо холодной водой. В зеркале отражалась бледная, испуганная девушка с расширенными зрачками.

«Что это было?» — подумала я. — «Нервы? Переутомление, как говорила Светка? Или капкейк оказался не таким безобидным?»

Я вытерла лицо бумажным полотенцем и вышла.

Мама стояла у барной стойки, сложив руки на груди. Её лицо было встревоженным — брови сдвинуты, губы поджаты.

— Мам, не переживай, — я постаралась улыбнуться как можно более беззаботно. — Перенервничала, наверное. Да и на голодный желудок. Организм не выдержал такого счастья, — я кивнула на тарелку с капкейками.

Мама не улыбнулась. Она смотрела на меня из-под нахмуренных бровей, и в этом взгляде было что-то... изучающее. Потом она взяла меня под руку и отвела в сторонку — подальше от случайных ушей посетителей.

— Тая, — сказала она тихо, но твёрдо. — Раньше такого у тебя не было. Тебя даже в детстве не укачивало. А тут — «перенервничала она».

Она замолчала, и я почувствовала, как по спине побежал холодок.

— Ты не беременная случайно? — спросила мама прямо глядя мне в глаза.

— Мам, ну с чего ты взяла? — я попыталась рассмеяться, но смех вышел фальшивым, натянутым. — Я же две недели назад сдавала все анализы, УЗИ делала. Мне бы сказали, если бы я ждала ребёнка.

Мама смотрела на меня ещё несколько секунд. Потом кивнула — то ли поверила, то ли решила не давить.

— Странно, конечно, — сказала она. — Ну, если говоришь, что всё хорошо... Ладно, встретимся дома. Иди отдохни.

Она обняла меня крепко — так, как умела только она, — поцеловала в щеку и убежала на кухню.

Я вышла из кафе на ватных ногах.

Солнце светило ярко, но мне казалось, что вокруг темнеет. Какая-то страшная догадка начала формироваться в голове, но я гнала её прочь, как надоедливую муху.

«Не может быть. Не может быть».

Глава 9

Я достала телефон и нажала на имя Светки.

— Свет, привет, — сказала я, когда она взяла трубку. Голос дрожал. — Подскажи, я недавно делала у вас УЗИ... они могли что-то не заметить?

— И тебе привет! — бодро ответила Светка, но в её тоне сразу появилась настороженность. — Что именно, Тая?

Я сглотнула. Грызть ноготь — вредная привычка, но сейчас я не могла остановиться.

— Ну... например... зарождающегося человечка.

В трубке повисла тишина.

— В смысле? — переспросила Светка, и её голос вдруг стал очень серьёзным. — Ты что, беременна?

— Не знаю, Свет. Но ме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.